

Научная статья
УДК 32.327;37.014; 316.4
DOI: 10.20323/2658-7866-2024-4-22-24
EDN FIDYQE

**Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России
в условиях динамики политических изменений**

Филипп Юрьевич Кушнарев

Кандидат политических наук, доцент кафедры социальной политики,
Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
kushnarevcustoms@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

Аннотация. В статье анализируются особенности политики «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в условиях Украинского кризиса. В статье изучаются трудности, с которыми столкнулись граждане из КНР после начала «культуры отмены» всего, что связано с Россией. Рассматривается, как в новых геополитических условиях ощущают себя простые граждане Китая и какую стратегию они выбирают для себя и своих детей. Выявлено, что несмотря на то, что после начала Украинского кризиса во многих европейских государствах началась политика «культуры отмены» всего российского, количество студентов и магистрантов из Китая, обучающихся в российских вузах, принципиально не сократилось, а число желающих обучаться в РФ среди граждан КНР даже возросло. Это связано со множеством факторов, главным из которых является эффективная политика ректоров российских университетов, активно использующих инструменты привлечения иностранных абитуриентов. Установлено, что значительная часть студентов и магистрантов, обучающихся в российских вузах из Китая, не поддерживают так называемую «культуру отмены» всего русского. Большинство граждан КНР, получающих образование в РФ, считают политику «культуры отмены» глупостью. Кроме того, большая часть студентов и магистрантов разделяют позицию России в отношении урегулирования конфликта на Украине. Выявлено, что значительная часть респондентов, вне зависимости от гендерных особенностей, не испытывают дискомфорта от постоянного санкционного давления на Российскую Федерацию. По результатам исследования предлагаются мероприятия по совершенствованию политики «мягкой силы» РФ.

Ключевые слова: «мягкая сила»; имидж государства; вузы; скрытые ресурсы; социальная мобильность; репутация вуза; Российская Федерация; Китай

Для цитирования: Кушнарев Ф. Ю. Образование как элемент «мягкой силы» во внешней политике России в условиях динамики политических изменений // Мир русскоговорящих стран. 2024. № 4 (22). С. 24-36. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24>. <https://elibrary.ru/FIDYQE>.

Original article

Education as an element of “soft power” in Russia's foreign policy in the context of dynamic political changes

Philip Yu. Kushnarev

Candidate of political sciences, associate professor, department of social policy, P. G. Demidov Yaroslavl state university
kushnarevcustoms@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5914-0222>

Abstract. The article analyzes the specifics of the “soft power” policy in the RF foreign policy under the circumstances of the Ukrainian crisis. The article studies the difficulties faced by citizens from the PRC once the “culture of abolition” of everything related to Russia began. The author examines the feelings of ordinary Chinese citizens in the new geopolitical environment and the strategies they choose for themselves and their children. Despite the fact that after the beginning of the Ukrainian crisis many European countries started the “culture of abolition” for everything Russian, the number of students and postgraduates from China studying in Russian universities has not decreased significantly, and the number of those wishing to study in the RF among Chinese citizens has even increased. This is due to many factors, the key one being the effective policy of Russian university rectors who are working actively to attract foreign applicants. The author has found that a significant number of Chinese students and Master students studying in Russian universities do not support the so-called “culture of abolition” for everything Russian. Most PRC citizens studying in the RF consider the “culture of abolition” policy to be stupid. In addition, the majority of undergraduate and Master students share Russia's position on resolving the conflict in Ukraine. The study shows that a large number of the respondents, regardless of gender characteristics, do not feel uneasy about the constant sanction pressure on the Russian Federation. The results of the study lead to suggested measures for enhancing the Russian “soft power” policy.

Key words: “soft power”; state image; universities; hidden resources; social mobility; university reputation; Russian Federation; China

For citation: Kushnarev F. Yu. Education as an element of “soft power” in Russia's foreign policy in the context of dynamic political changes. *World of Russian-speaking countries*. 2024; 4(22): 24-36. (In Russ). <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2024-4-22-24>. <https://elibrary.ru/FIDYQE>.

Актуальность исследования

В последние годы мир стремительно становится многополярным. Появляются новые политические и экономические центры, в частности существенно возросла роль в мировой политике и экономике таких стран, как Россия, Китай, Индия, Иран. Правительства многих стран, не дожидаясь разрешения

конфликта на Украине, подают заявки на присоединение к БРИКС. В результате данное межгосударственное объединение динамично расширяется, растет взаимный товарооборот между странами, в расчетах между государствами происходит переход от долларов к национальным валютам. Но это позиция политиков, которые осознают пе-

ремены, понимают происходящие в мире политические процессы и стремятся присоединиться к тем странам и союзам, у которых более оптимистичные позиции в долгосрочной перспективе. Возникают вопросы: как в новых геополитических условиях ощущают себя простые граждане? Какую стратегию они выбирают для себя и своих детей? Наблюдается ли отток иностранных студентов из России? Сокращается ли количество иностранных граждан, желающих поступать в российские вузы? Прошло уже несколько лет после начала Украинского кризиса, и можно делать некоторые выводы и прогнозы относительно привлекательности российского образования в новых условиях.

Учитывая все вышеизложенное, нами была предпринята попытка проанализировать, как события на Украине повлияли на желание иностранных граждан из Китая продолжить учебу в российских вузах.

Постановка проблемы

Политологи активно анализируют происходящие в мире процессы. В частности, в последнее время выходят научные статьи, в которых предпринята попытка проанализировать, как появление новых центров в мире повлияло на образовательную мобильность [Антонина, 2020; Гаврилов, 2017; Sun, 2017].

Политологи пришли к выводу, что в мире существенно возросла конкуренция между ведущими вузами мира. Правительства стран и ректорское сообщество активно изыскивают новые инструменты, способные привлечь и удержать иностранных студентов [Dursun, 2021; Calitz, 2020; Коваленко, 2021].

Ученые отмечают, что большинство иностранных абитуриентов по-прежнему стремятся учиться в США,

Великобритании, Франции и Германии, ориентируясь на международные рейтинги, которые, как правило, составляются в тех странах, где находятся так называемые «лучшие вузы мира». Большинство молодых людей ориентируются на рейтинг по версии QS, который составляется британской компанией, и неудивительно, что по ее версии множество лучших вузов в мире находится именно в Великобритании [Таланов, 2022; Asquer, 2020; Wen, 2018].

Многие страны, в которых есть вузы, осуществляющие серьезную подготовку, не имеют собственного рейтинга вузов, который считался бы международным рейтингом. По этой причине о них не известно иностранным абитуриентам. Иностранные абитуриенты изучают и национальные рейтинги вузов, а не только мировые рейтинги, хотя в первую очередь и ориентируются на международные рейтинги [Waheed, 2020; Del-Castillo-Feito, 2019; Chandra, 2019].

После начала Украинского кризиса ученые обратили серьезное внимание на реальные доходы иностранных студентов, обучающихся в российских вузах. Как правило, эти студенты вовлечены во вторичную занятость (подрабатывают). У той части иностранных студентов, которые платят за обучение самостоятельно, родители не всегда могут поддержать их финансово. Несмотря на то, что в России выросла учетная ставка (кредиты стали дороже), а также увеличилась инфляция, исследователи пришли к выводу, что только незначительное число иностранных студентов отказались продолжить обучение в РФ [Чжан, 2024].

Из-за кризиса на Украине многие социологи и политологи активно стали изучать как политика «мягкой силы» повлияла на количество поступающих в

российские вузы. Исследования демонстрируют, что после начала СВО из-за некоторой неопределенности, в первую очередь в финансовых кругах (кредиты, инфляция, рост курса валют и т. д.), а не из-за имиджа РФ, незначительно снизился поток иностранных абитуриентов, желающих учиться в России. Кроме того, политологи отмечают, что произошли изменения в мобильности студентов (абитуриентов). Если раньше, до кризиса на Украине, приезжало много абитуриентов из стран Балтии и ряда других стран, относящихся, к так называемым странам Запада, то теперь, в основном, приезжают из Юго-Восточной Азии и ближнего зарубежья (Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и т. д.) [Бинцин, 2022; Aledo-Ruizetal, 2022; Артеев, 2021].

Многие исследователи обращаются к истории в своих исследованиях. Политика «культуры отмены» проявилась в огромных масштабах во время господства нацистской идеологии в Германии (1933-1945 гг.) [Кушнарев, 2022].

Ряд исследователей пришел к выводу, что изменение в предпочтении у абитуриентов происходит, и они связаны с тем, что новым экономическим центром стал Китай. Соответственно, для многих абитуриентов стали популярными культура, экономика, образование Китая [Cunningham, 2019; Manzoor, 2021; El-Kassem, 2020; Sun, 2017].

Проведенный нами вторичный анализ показал, что еще задолго до Украинского кризиса наблюдался рост интереса к Российскому высшему образованию. В 2017 году Россия смогла выплатить основные долги перед МВФ, которые образовались после распада СССР. В этот же период в мировые рейтинги постоянно стали входить не только Московский (МГУ) и Санкт-Петербургский (СПбГУ) классические

университеты, но и многие вузы РФ, расположенные в Сибири. Правительство РФ все больше увеличивало финансирование российских вузов. Они становились все более привлекательными для иностранных абитуриентов [Шатилов, 2020; Гомелаури, 2020; Сутырин, 2020; Бабуркин, 2017; Игнатенкова, 2021].

Выводы, полученные отечественными и зарубежными авторами, учитывались нами при разработке программы исследования.

Эмпирическая база исследования

В мае 2024 г. осуществлен онлайн-опрос студентов и магистров вузов, где больше всего обучается студентов из КНР:

- Российский университет дружбы народов;
- Московский педагогический государственный университет;
- Московский государственный лингвистический университет;
- Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова.

Выборка квотная. Выборочная совокупность, n=600.

Переменные квотирования: возраст, пол, форма обучения (бюджетное/внебюджетное обучение).

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, магистрами, n=50.

Авторские гипотезы

Несмотря на то, что после начала Украинского кризиса во многих европейских государствах началась политика «культуры отмены» всего, что связано с Россией, количество студентов и магистрантов, обучающихся в российских вузах из Китая, принципиально не сократилось, а количество желающих обучаться в РФ среди граждан КНР возросло. Это связано со множеством факторов, главным из которых является правильная политика ректоров российских вузов, актив-

Мир русскоговорящих стран

но использующих инструменты привлечения иностранных абитуриентов.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, с какими трудностями столкнулись наши респонденты

(граждане из КНР) после начала «культуры отмены» всего русского, которую, в свою очередь, спровоцировал Украинский кризис (таблица 1).

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «С какими сложностями Вы столкнулись после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»*
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Стрессы, депрессия из-за неопределенности, санкции, рост цен, инфляция, рост курс валют	54	77	65	49	39	26
Пришлось брать в банке кредит	53	76	64	47	37	25
Многие банки попали под санкции, появились сложности с переводом денег	52	75	63	46	35	24
Страх, что отменят в РФ магистратуру и бакалавриат	46	78	64	51	44	25
Вынужден(а) был искать подработку, так как упали доходы личные и доходы семьи	45	77	62	47	37	19
Пришлось съехать из общежития и искать съемную квартиру или вернуться на некоторое время на Родину	44	75	59	45	34	15
Конфликты с родителями с близкими и друзьями из-за разных оценок происходящего на Украине	—	5	—	—	—	—
Другое	7	8	6	6	7	5

**Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов*

Мы видим, что сложности, в первую очередь, возникли у тех, кто заканчивал обучение на втором курсе в 2022 году и тех, кто в этом году был зачислен. Те, кто уже заканчивал третий и четвертый курсы испытывали стресс в меньшей степени, чем те, кто был на младших курсах. Кроме того, мы видим, что в основном у иностран-

ных граждан из Китая все проблемы были связаны с некоторыми финансовыми трудностями, а не с взаимодействием с людьми.

Далее мы анализировали, столкнулись ли респонденты с «культурой отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса (таблица 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Столкнулись ли Вы с «культурой отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Да	50	65	63	60	58	54
Нет	45	29	32	35	37	41
Воздержался от ответа	5	6	5	5	5	5

Мы видим, что большинство студентов и магистрантов из КНР столкнулись с политикой «культуры отмены» против всего русского.

Респонденты могли пояснить свои ответы, для этого были предусмотрены открытые вопросы в анкете. Так, значительная часть (90 %) опрошенных пояснила, что обратили внимание на то, что после начала СВО во многих иностранных СМИ появились критиче-

ские статьи о Российской Федерации. Также в некоторых странах, которые респонденты посещали в рамках туризма, были отменены концерты, выставки, приостановлены показы российских фильмов.

Далее мы изучали, есть ли среди иностранных граждан, обучающихся в российских вузах, те, кто после начала СВО резко поменял мнение о РФ, ее населении, культуре и т. д. (таблица 3).

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Присоединились ли Вы к политике «культуры отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Нет	95	90	94	95	95	95
Да	—	5	—	—	—	—
Воздержался от ответа	5	5	6	5	5	5

Мы видим, что значительная часть студентов, магистрантов, обучающихся в российских вузах, не поддержали «культуру отмены» против всего русского.

Далее мы изучали причины того, почему иностранные студенты и маги-

стры не присоединились к «культуре отмены» (таблица 4). Выборка иная. Так как в таблице 4 представлены ответы только тех, кто не присоединился к политике «культуры отмены».

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы не присоединились к политике «культуры отмены» всего русского после начала напряженной фазы Украинского кризиса?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=595					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Это глупо и неправильно	89	95	90	92	91	90
Такие действия мировой культуре только вредят	88	93	88	91	90	89
Это несправедливо	87	90	86	89	88	90
Люблю русскую культуру	84	90	86	87	89	91
Моя страна (Китай) поддерживает РФ, значит, и я должен быть лояльным к РФ	78	82	84	86	87	88
Считаю, что РФ делает все правильно, поддерживаю цели СВО	73	74	81	87	89	88
Другое	6	7	5	6	5	5
Воздержались от ответа	5	5	5	5	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Мы видим, что большинство опрошенных считают политику «культуры отмены» глупостью и разделяют политику РФ в сфере разрешения конфликта на Украине.

Далее мы изучали, испытывают ли респонденты дискомфорт от того, что учатся в стране, против которой введено большое количество санкций (таблица 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Испытываете ли Вы дискомфорт от того, что учитесь в стране, против которой огромное количество санкций?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Респонденты, n=600					
	Студенты				Магистранты	
	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс	2 курс
	Год поступления					
	2023	2022	2021	2020	2023	2022
Нет	95	95	90	94	95	95
Да	—	5	5	—	—	—
Воздержался от ответа	5	—	5	6	5	5

Мы видим, что значительная часть респондентов не зависимо от гендерных особенностей, не испытывают

дискомфорт от постоянного санкционного давления на РФ.

Проведена серия глубинных интервью с иностранными студентами, ма-

гистрами, n=50. Далее приводим типичные высказывания респондентов.

Иузе, 22 года.

«Когда началось СВО, я учился на втором курсе, скажу, что было очень неприятно слышать в иностранных СМИ, и читать в интернете информацию, в которой все русское осуждалось. Мы изучали политологию, и нас учили тому, что важно критически относиться к любой информации в СМИ. Я живу в общежитии, и помню, что многие студенты из Западной Европы летом 2022 года искали возможность вернуться в свою страну, чтобы там продолжить свое образование. При этом я помню, что из моих соотечественников никто не планировал забрать документы из вуза».

Маньчжоу, 22 года.

«Я люблю историю России, я знаю, что у такой могучей страны как РФ всегда было много врагов, поэтому я не удивился, что страны коллективного Запада начали массированную атаку на РФ после начала СВО. США и для КНР не являются другом. Очевидно, что США во главе Западного мира старается удержать свою гегемонию. Но мир стремительно становится многополярным, это объективный процесс. Относительно политики «культуры отмены» всем очевидно, что русские внесли и вносят огромный вклад в развитие мировой культуры».

Гуантин, 23 года.

«Мои родители учились в РФ, и с детства привили мне уважение ко всему русскому: музыке, чтению. Поэтому не удивительно, что я учусь в том же вузе, в котором когда-то учились мои родители. После 24 февраля 2022 года мое отношение к России изменилось, я ее и так уважала, а после начала СВО стала ей восхищаться.

РФ сильная страна, с которой моя страна дружит, поддерживает партнерские отношения. Я понимаю, что если РФ проиграет, то США всю свою агрессию направят на КНР. Мои друзья тоже восхищаются российскими солдатами, защищающими суверенитет РФ. Я вижу, я ощущаю, что желающих из Китая приезжать на учебу в РФ все больше и больше. Я из Великой страны, но нам есть еще чему поучиться у РФ».

Йицзюнь, 23 года.

«Мне нравится учиться в России, здесь уникальные преподаватели, красивые необычные города. Я часто езжу из Москвы в Санкт-Петербург. Мне нравится Санкт-Петербург. Я много путешествовала по Европе и видела что-то похожее. После начала СВО количество туристов в Санкт-Петербурге сократилось. Но сейчас я вижу, что и в Москве и Санкт-Петербурге много туристов. Мне было не понятно, как можно осуждать культуру, отказываться от русских выставок, книг, музыки и т. п. Мое отношение к России и ее людям изменилось только в лучшую сторону. Я осознанно выбрала для обучения РУДН, и продолжу получать там образование. Я вижу, как РФ борется за свой технологический суверенитет, и как много стран стремятся вступить в БРИКС. Практически два года никто Россию не называет заправкой, бензоколонкой. Дискомфорт испытывала только от неопределенности после начала СВО. Было не понятно, насколько затянется ситуация, сколько еще будут действовать санкции против РФ, а также каким будет рост цен и уровень инфляции. Но, как видно, российская экономика устояла. Цены, конечно, выросли, но не критич-

но, и в магазинах по-прежнему есть все необходимое».

Чжихао, 23 года.

«Моя бабушка училась в РУДН, по этому, когда пришло время выбирать, где учиться, было принято решение поступать в тот же вуз, где училась она. Бабушка рассказывала мне, что переживала, что после распада СССР Россия больше не будет великой державой. Многие мои знакомые, которые старше меня на 5-7 лет, также выбрали для обучения российские университеты. Поэтому еще до приезда в Россию я уже имела представление о кампусах, ценах и преподавателях РУДН. К сожалению, многие факультеты РУДН не дублируют информацию о себе на китайском, хотя я точно знаю, что многие из КНР очень желают поступить именно в РУДН».

Из типичных ответов видно, что студенты и магистранты из Китая, после начала кризиса на Украине, не стали пересматривать свои образовательные стратегии. Кроме того, мы видим, что их отношение к РФ, которое было и без того хорошее, еще улучшилось.

Заключение

Проведенное нами исследование демонстрирует, что, несмотря на Укра-

инский кризис, растет студенческая и преподавательская мобильность между РФ и Китаем. Больше 40 тысяч граждан из Китая учатся в настоящее время в России, причем не только на бакалавриате, но и в аспирантуре. Это говорит об увеличивающемся престиже российской науки в Китае.

Для популяризации российского высшего образования среди абитуриентов из КНР необходимо:

- систематически в КНР проводить тематические выставки, приглашать с выступлениями в школы КНР известных ученых из РФ;

- вузам РФ активно продвигать свои учебные заведения, через своих бывших выпускников;

- для выпускников российских вузов из КНР делать скидки на получение образование по программе магистратуры в вузах РФ;

- российским преподавателям записывать тематические лекции на китайском языке и выставлять их в открытом доступе на сайте российских вузов;

- открывать большее число домов Дружбы в провинциях КНР.

Библиографический список

1. Антонова Н. Л. «Мягкая сила» высшего образования как фактор мирового лидерства / Н. Л. Антонова, А. Д. Сущенко, Н. Г. Попова // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 1. С. 31–58.
2. Артеев С. П. Внешняя политика России: «мягкая сила» регионов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 1. С. 32–57.
3. Бабуркин С. А. Межнациональные отношения в вузах центральной России (на материалах Ярославской области) // AlmaMater (Вестник высшей школы). 2017. № 1. С. 27–32.
4. Березин Д. Т. Влияние COVID-19 на систему высшего образования / Д. Т. Березин, Е. С. Румянцева [и др.] // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2020. № 10. С. 12–22.

5. Бинцин Ч. «Мягкая сила» в концепции внешней политики Китая // Информационные войны. 2022. № 1 (61). С. 23–25.
6. Гаврилов А. В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Alma mater (Вестник высшей школы). 2017. № 6. С. 24–30.
7. Гомелаури А. С. К вопросу восприятия феномена «мягкой силы» в контексте Российской внешней политики // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 11 (63). С. 3316–3323.
8. Игнатенкова И. А. Реализация стратегических национальных интересов России посредством политики «мягкой силы» на примере развития экспорта образования // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 6-3 (76). С. 234–237.
9. Коваленко Г. В. Методы реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике государства // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе. 2021. № 4 (20). С. 16–24.
10. Кушнарев Ф. Ю. Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 44–68.
11. Сутырин В. В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. 2020. № 9. С. 44–57.
12. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 22–47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
13. Чжан Ц. Основные проблемы и направления современного образовательного туризма // НОМО ITER: путешествие как феномен культуры : коллективная монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. С. 283–292. (Россия и Китай: научное сотрудничество “中俄学术合作”丛书).
14. Шатилов А. Б. Академическая мобильность иностранных студентов гуманитарных и обществоведческих направлений в рамках «мягкой силы» Российской Федерации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 6 (42). С. 10–13.
15. Aledo-Ruiz, M. D., Martínez-Caro, E., & Santos-Jaén, J. M. The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: The mediating effect of reputation and corporate image. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578–592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
16. Asquer, A., and Alzahrani A. Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia // *Public Management Review*. 2020. 22 (2). Pages 255–277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
17. Bao W. COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University // *Human Behav. Emerg. Technol.*, 2020. № 2 (2). pp. 113–115.
18. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269–285.
19. Chandra T.L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. *Benchmarking: An International Journal*. 2019. № 26 (5). pp. 1533–1549.

20. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451–1475.
21. Del-Castillo-Feito, C., A. Blanco-González, and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87–92.
22. Dursun, O., & Altın Gumussoy, C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166–182.
23. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721-730.
24. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2–9.
25. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220–239.
26. Sun, J.J.-M, Hu, P., Ng, S.H. Impact of English on Education Reforms in China: With Reference to the Learn-English Movement, the Internationalisation of Universities and the English Language Requirement in College Entrance Examinations. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38 (3), pp. 192–205.
27. Sun, Y. Cultural Innovation: Localization and Internationalization of Higher Education in China. *Pedagogical Review*. 2017. No. 4 (18), pp. 19–26.
28. Waheed A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307–1315.
29. Wen W., Hu, D., Hao, J. International Students' Experiences in China: Does the Planned Reverse Mobility Work? *International Journal of Educational Development*. 2018. Vol. 61, pp. 2014–212.

Reference list

1. Antonova N. L. «Mjagkaja sila» vysshego obrazovanija kak faktor mirovogo liderstva = “Soft power” of higher education as a factor of world leadership / N. L. Antonova, A. D. Sushhenko, N. G. Popova // *Obrazovanie i nauka*. 2020. T. 22, № 1. S. 31–58.
2. Arteev S. P. Vneshnjaja politika Rossii: «mjagkaja sila» regionov = Russian foreign policy: regional “soft power” // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 25: Mezhdunarodnye otnoshenija i mirovaja politika*. 2021. T. 13, № 1. S. 32–57.
3. Baburkin S. A. Mezhnacional'nye otnoshenija v vuzah central'noj Rossii (na materialah Jaroslavskoj oblasti) = Inter-ethnic relations in universities of central Russia (based on the materials of the Yaroslavl region) // *AlmaMater (Vestnik vysshej shkoly)*. 2017. № 1. S. 27–32.
4. Berezin D. T. Vlijanie COVID-19 na sistemu vysshego obrazovanija = COVID-19 impact on the system of higher education / D. T. Berezin, E. S. Rumjanceva [i dr.] // *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. 2020. № 10. S. 12–22.
5. Bincin Ch. «Mjagkaja sila» v koncepcii vneshnej politiki Kitaja = “Soft power” in China's concept of foreign policy // *Informacionnye vojny*. 2022. № 1 (61). S. 23–25.

6. Gavrilov A. V. *Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России = Education as an instrument of “soft power” in Russia's foreign policy* // Alma mater (Vestnik vysshej shkoly). 2017. № 6. S. 24–30.
7. Gomelauri A. S. *K voprosu vosprijatija fenomena «mjagkoj sily» v kontekste Rossijskoj vneshnej politiki = Toward understanding the “soft power” phenomenon in the context of Russian foreign policy* // Voprosy politologii. 2020. T. 10, № 11 (63). S. 3316–3323.
8. Ignatenkova I. A. *Realizacija strategicheskikh nacional'nyh interesov Rossii posredstvom politiki «mjagkoj sily» na primere razvitija jeksporta obrazovanija = Realizing Russia's strategic national interests through the “soft power” policy by means of education export* // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. 2021. № 6–3 (76). S. 234–237.
9. Kovalenko G. V. *Metody realizacii koncepcii «mjagkoj sily» vo vneshnej politike gosudarstva = Methods for realizing the concept of “soft power” in the state's foreign policy* // Vestnik Filiala Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M. V. Lomonosova v gorode Dushanbe. 2021. № 4 (20). S. 16–24.
10. Kushnarev F. Ju. *Brend strany, regiona i goroda, kak faktor «mjagkoj sily» Rossii = The brand of the country, region and city as a factor of Russia's “soft power”* / Mir russkogovorjashhih stran. 2022. № 3 (13). S. 44–68.
11. Sutyryn V. V. *Za predelami «mjagkoj sily»: gumanitarnoe vlijanie i sotrudnichestvo vo vneshnej politike = Beyond “soft power”: humanitarian influence and cooperation in foreign policy* // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020. № 9. S. 44–57.
12. Talanov S. L. *Mesto obrazovanija v politike «mjagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravlenija i instrumenty = The place of education in Russia's “soft power” policy: strategic directions and tools* // Mir russkogovorjashhih stran. 2022. № 2 (12). S. 22–47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
13. Chzhan C. *Osnovnye problemy i napravlenija sovremennogo obrazovatel'nogo turizma = The main problems and directions of modern educational tourism* // HOMO ITER: puteshestvie kak fenomen kul'tury : kollektivnaja monografija. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2024. S. 283 – 292. (Rossija i Kitaj: nauchnoe sotrudnichestvo “中俄学术合作”丛书).
14. Shatilov A. B. *Akademicheskaja mobil'nost' inostrannyh studentov gumanitarnyh i obshhestvovedcheskih napravlenij v ramkah «mjagkoj sily» Rossijskoj Federacii = Academic mobility of foreign students in humanities and social sciences as part of the “soft power” of the Russian Federation* // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2019. T. 9, № 6 (42). S. 10–13.
15. Aledo-Ruiz M. D., Martínez-Caro E., & Santos-Jaén J. M. *The influence of corporate social responsibility on students' emotional appeal in the HEIs: Themediating effect of reputation and corporate image. Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2022. № 29(3). pp. 578–592. <https://doi.org/10.1002/csr.2221592ALEDO-RUIZET AL>.
16. Asquer A., and Alzahrani A. *Public Services Reforms in Neo-Patrimonial Systems: The Commercialization of Healthcare and Education in Saudi Arabia* // Public Management Review. 2020. 22 (2). Pages 255–277. doi:<https://doi.org/10.1080/14719037.2019.1584232>.
17. Bao W. *COVID -19 and online teaching in higher education: a case study of Peking University* // Human Behav. Emerg. Technol., 2020. № 2 (2). pp. 113–115.

18. Calitz A.P., Cullen M.D.M., Jooste C. The influence of safety and security on students' choice of university in South Africa // *J. Stud. Int. Educ.*, 2020. № 24 (2). pp. 269–285.
19. Chandra T.L. Hafni, S. Chandra, A.A. Purwati, and J. Chandra. The influence of service quality, university image on student satisfaction and student loyalty. Benchmarking: An International Journal. 2019. № 26 (5). pp. 1533–1549.
20. Cunningham J.A., Lehmann E.E., Menter M., Seitz N. The impact of university focused technology transfer policies on regional innovation and entrepreneurship // *J. Technol. Tran.*, 2019. № 44 (5), pp. 1451–1475.
21. Del-Castillo-Feito C., A. Blanco-González and E. González-Vázquez. The relationship between image and reputation in the Spanish public university. *European Research on Management and Business Economics*. 2019. № 25 (2). pp. 87–92.
22. Dursun O., & AltinGumussoy C. The effects of quality of services and emotional appeal on university reputation: stakeholders' view. *Quality Assurance in Education*, 2021. № 29, pp. 166–182.
23. El-Kassem R.C. A structural equation model of perceived university image in Qatar: student perspective // *Int. J. Manag.*, 2020. № 11 (8). pp. 721–730.
24. Iloh C. An alternative to college «choice» models and frameworks: the Iloh model of college-going decisions and Trajectories // *Coll. Univ.*, 2019 № 94 (4). pp. 2–9.
25. Manzoor S.R., Ho J.S.Y., Al Mahmud A. Revisiting the 'university image model' for higher education institutions' sustainability // *J. Market. High Educ.*, 2021. № 31 (2). pp. 220–239.
26. Sun J.J.-M, Hu P., Ng S.H. Impact of English on Education Reforms in China: With Reference to the Learn-English Movement, the Internationalisation of Universities and the English Language Requirement in College Entrance Examinations. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2017. Vol. 38 (3), pp. 192–205.
27. Sun Y. Cultural Innovation: Localization and Internationalization of Higher Education in China. *Pedagogical Review*. 2017. No. 4 (18), pp. 19–26.
28. Waheed A., Zhang, Q., Rashid, Y., & Zaman Khan, S. The impact of corporate social responsibility on buying tendencies from the perspective of stakeholder theory and practices. *Corporate Social Responsibility and Environmental Management*, 2020. № 27(3). pp. 1307–1315.
29. Wen W., Hu D., Hao J. International Students' Experiences in China: Does the Planned Reverse Mobility Work? *International Journal of Educational Development*. 2018. Vol. 61, pp. 2014–212.

Статья поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 12.11.2024.

The article was submitted on 20.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication on 12.11.2024